

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.3)
EDN [CXILJM](https://edn.cxiljm.com)
УДК 316.35

Г. Ф. Ромашкина¹, Д. Ю. Агафонова¹

¹ Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия

ВОЛОНТЕРСТВО РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ В СТРУКТУРЕ ЗАНЯТОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию волонтерской деятельности российской молодежи как особой формы занятости и её роли в формировании человеческого капитала. Исследование основано на микроданных выборочного обследования рабочей силы Росстата (2024) и охватывает репрезентативную подвыборку молодого населения (15–35 лет). В качестве аналитических методов использованы сравнение средних (критерии Фишера и Стьюдента) и пошаговая логистическая регрессия для оценки влияния предикторов на вероятность участия в четырёх основных формах волонтерства: сбор средств, благоустройство территорий, помощь животным и социальные работы. Основные результаты показывают, что доля молодых волонтеров составляет 4,3% от общей численности молодежи в стране. В структуре преобладают нерегулярные и неформальные формы участия. Активность молодых волонтеров повышается в старших молодежных группах. Анализ подтверждает гипотезу о смене функций волонтерства на разных этапах социализации российской молодежи. Выявлено, что сельская молодежь чаще вовлечена в благоустройство территорий и помощь животным, а городские молодые люди — в сбор средств. Женщины чаще участвуют в социальных формах волонтерства, а мужчины — в фандрайзинге. Гибкие виды занятости среди молодежи (удаленная, неформальная работа) повышают шансы участия в фандрайзинге, благоустройстве и помощи животным. Среднее и среднее профессиональное образование чаще ассоциируется с участием в социальных и территориальных проектах, а высшее — с фандрайзингом. Гипотеза о прямой связи молодежного волонтерства с накоплением человеческого капитала не подтверждается эмпирическими данными. Показаны ограничения и барьеры исследовательских и социальных практик молодежного волонтерства.

Ключевые слова: волонтерство, молодежь, человеческий капитал, занятость, социальная активность

Для цитирования: Ромашкина Г. Ф., Агафонова Д. Ю. Волонтерство российской молодежи в структуре занятости // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 41–55. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.3](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.3). EDN [CXILJM](https://edn.cxiljm.com).

Введение. Волонтерская деятельность — это важное явление в социальной жизни и в экономике. Волонтерство восполняет нехватку ресурсов в социальном секторе, негосударственных организациях, муниципальном, региональном управлении, научных исследованиях и инновациях, а его эффекты не исчерпываются социальной сферой¹. Российское государство признало волонтерство приоритетной частью социальной и молодежной политики, приняв «Концепцию развития добровольчества (волонтерства) до 2025 года». По оценкам Минэкономразвития, активное вовлечение волонтеров обеспечивает ощутимый экономический эффект, вклад добровольческого труда в ВВП России состав-

¹ Сергеева Д. Выгорание и героизм: как устроено волонтерство в России // РБК Тренды. 15.12.2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61e922c59a79477514c2b9ca> (дата обращения: 03.06.2025).

ляет около 1,5%². По данным Росстата и Роспатриотцентра, в России число волонтеров активно растёт. В 2023 году их число превысило 13 млн человек³, при этом большинство активных волонтеров — люди в возрасте 35–44 лет⁴. Данный факт проявляет одно из противоречий между устоявшимся общественным мнением и данными статистики. Кроме того, наблюдается явное противоречие между официальными и неофициальными данными. Рост волонтерской активности подкреплён государственными программами поддержки, но последние три года он в основном обеспечен приростом фандрайзинга. Социальные формы активности остаются весьма устойчивыми в своём объёме и структуре. Представления о волонтерстве в массовом сознании не всегда соответствуют эмпирическим реалиям. Данная статья призвана восполнить недостаток эмпирически подкрепляемых знаний.

Мы сфокусируемся на молодёжном волонтерстве как специфическом социально-экономическом явлении. Молодые люди, как правило, ещё только выходят на рынок труда, они активно наращивают свой человеческий капитал и вовлекаются в волонтерскую активность со своими специфическими мотивами. Проблема нашего исследования заключается в выявлении взаимосвязей между этими процессами в российской действительности. Целью исследования является анализ волонтерской деятельности молодёжи как особой формы занятости и выявление влияния различных видов волонтерской деятельности на развитие человеческого капитала.

Обзор научных источников. В данной статье мы опираемся на определение волонтерства, предложенное Дж. Уилсоном, согласно которому волонтерство рассматривается как «любая деятельность, выполняемая добровольно во благо другого человека, группы или организации», при этом такая деятельность «не исключает извлечения выгоды самими волонтерами» [1, с. 215]. Теоретической основой для анализа выступает концепция человеческого капитала Г. Беккера, согласно которой навыки и опыт, приобретаемые индивидом, являются формой капитала, повышающей его продуктивность [2]. Волонтерская деятельность может рассматриваться как форма инвестиций в человеческий капитал. В исследовании [3] обнаружили, что волонтеры приобретают «мягкие» навыки, такие как социальные и гражданские компетенции, обучение или чувство инициативы и предпринимательства. Недавние исследования подтвердили, что волонтерство повышает и «жесткие» навыки (управление бизнесом, специфические навыки ИТ) [4; 5]. Литература о влиянии волонтерства на индивидуальные результаты на рынке труда сосредоточена на трех механизмах, с помощью которых волонтерство улучшает перспективы трудоустройства: приобретение навыков и опыта, связанных с работой; доступ к широким социальным сетям; информирование работодателей о наличии профессиональных компетенций [6; 7]. Мета-анализ западных исследований [8] показывает, что общий эффект волонтерства на трудоустройство

² Татьяна Илюшникова: вклад сектора НКО и волонтерства в экономику страны составляет порядка 1,5% ВВП // Министерство экономического развития РФ. 25.06. 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/press/stati_i_intervyu/tatyana_ilyushnikova_vklad_sektora_nko_i_volonterstva_v_ekonomiku_strany_sostavlyayet_poryadka_15_vvp.html (дата обращения: 03.06.2025).

³ Число добровольцев в России // Роспатриотцентр. URL: <https://rospatriotcentr.ru/dobro/social/> (дата обращения: 03.06.2025).

⁴ Воспринимаемые эффекты и потенциал развития добровольчества в Российской Федерации // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://edu.dobro.ru/upload/iblock/aa7/zk7gjcwd34aohsnyiky2ldbbk8kyueya.pdf> (дата обращения: 03.06.2025).

относительно небольшой, поскольку лишь часть добровольцев непосредственно получает работу благодаря специализированным программам, а значимость опыта зависит от его соответствия потребностям рынка труда.

Исследования факторов вовлечённости в волонтерскую деятельность выявляют ряд устойчивых закономерностей. Образование демонстрирует стабильное положительное влияние на волонтерскую активность [9]. Внутренняя мотивация выступает значимым предиктором вовлечённости, способствуя добровольному участию вне зависимости от внешних условий [10]. Трудовая занятость, особенно на полной ставке, как правило, снижает частоту волонтерской активности [11].

Т. Г. Нежина и соавторы [12], изучая мотивы участия в волонтерском движении, выделили не только альтруистические, но и прагматические мотивы, такие как самореализация и приобретение профессионального опыта. Л. А. Беляева и коллеги [13] на основе опросов выпускников вузов выделили три мотивационные модели волонтерства: «промоционную» (карьерно ориентированную), «капитальную» (увеличение человеческого и социального капитала) и «ценностную» (альтруистическую). Авторы сделали вывод, что именно «капитальная» модель наиболее релевантна для молодого поколения. Н. В. Узумова и Н. И. Киселева [14] на примере студенческой молодежи показали, что молодые добровольцы рассматривают волонтерские акции как эффективный инструмент формирования профессиональных и коммуникационных компетенций. В исследовании М. В. Певной и соавторов установлено, что мотивация к волонтерству у молодежи изменяется с возрастом: у старшеклассников она основана на альтруизме и стремлении к приобретению уверенности в себе, у студентов колледжей — на поиске социальных связей и карьерных возможностей, а в вузах — на стремлении к профессиональной или общественно-политической самореализации [15]. В работе М. Н. Федоровой корпоративное волонтерство рассматривается как нерыночный инструмент развития человеческого потенциала. Для сотрудников компаний оно выступает способом самореализации, развития коммуникативных навыков и укрепления внутрикorporативных связей [16].

В структуре занятости населения волонтерство занимает своё место не только как инструмент накопления навыков, но и как способ самореализации вне рамок оплачиваемой работы [17; 18]. Типология волонтерской деятельности во многом пересекается с существующими классификациями различных форм занятости (например, сезонная, периодическая, формальная, неформальная и другие виды волонтерства).

Учёт волонтерской активности важен при анализе рынка труда и человеческого капитала. Росстат и другие национальные статистические службы внедряют в обследования модули по измерению объёмов волонтерского труда. Такая методика разработана при поддержке Международной организации труда, что позволяет получать сопоставимые данные о масштабах и структуре волонтерской работы населения.

Данные и методика. Исследование опиралось на микроданные обследования рабочей силы (ОРС) Федеральной службы государственной статистики за 2024 год в разрезе всероссийской выборки населения от 15 лет и старше⁵.

⁵ Микроданные выборочного обследования рабочей силы // Росстат. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

В данной статье для анализа использована подвыборка 263 654 (без взвешивания) респондентов молодого возраста (15–35 лет), репрезентативно отражающая структуру молодёжи России по основным социально-демографическим характеристикам. При анализе данных применялись методы сравнения средних по критерию F Фишера, t-критерия Стьюдента. Была проведена оценка влияния предикторов на вероятность участия в четырёх основных видах волонёрской активности: (1) сбор средств на благотворительность; (2) благоустройство территорий; (3) помощь животным; (4) социальные работы на основе пошаговой логистической регрессии (метод Вальда). Для обеспечения валидности результатов регрессионного анализа каждая модель была построена отдельно по видам деятельности. Точность моделей оценивалась с использованием стандартных метрик классификации и псевдо-R-квадрата (Nagelkerke R). Для модели, связанной со сбором средств на благотворительность, достигнута чувствительность 87,7% при специфичности 24,3%, что свидетельствует о высокой способности выявлять участников, но ограниченной точности в определении невовлечённых лиц. Значение псевдо-R = 8,1% соответствует среднему уровню объяснённой дисперсии для данного типа моделей: благоустройство территорий 75,2% (псевдо-R = 6,4%); помощь животным 75,2% (псевдо-R = 8,3%); социальные работы 55,9% корректных классификаций (псевдо-R = 3,2%). Согласно оценкам, метод Вальда эффективен для выявления значимых социально-демографических и экономических предикторов, но слабая объяснительная сила моделей (особенно для социальных работ) требует учёта дополнительных качественных факторов. Основное внимание уделялось содержательной интерпретации коэффициентов регрессии и проверке статистической значимости на уровне $p < 0,001$. Анализ данных осуществлялся в IBM SPSS Statistics 26, Python Data Analysis Library.

Структура и динамика молодёжного волонёрства. Волонёрское движение охватывает порядка 1,53 млн молодых людей, что составляет 4,3% от общей численности молодёжи в стране. При этом преобладают нерегулярные формы, 60% привлечены к волонёрству лишь несколько раз в год или время от времени. Большинство молодых добровольцев (73%) действуют неформально, то есть вне организационных структур. Если рассматривать общую численность, наиболее значим вклад молодёжи 15–19 лет и 30–35-летних (см. рис. 1). Однако, по доле волонёров от каждой из когорт, мы наблюдаем снижение активности с возрастом, см. линию на рис. 1.

В течение относительно короткого периода между 15 и 35 годами молодёжь проходит практически все ключевые этапы социализации, в рамках которых волонёрская деятельность выступает не только как форма социальной практики, но и как специфический вид занятости, зачастую играющий значимую роль в формировании профессиональных и гражданских компетенций. Резкое «сжатие» экономически неактивной группы начинается сразу после завершения обучения в школе. К 25 годам уровень занятости возрастает в 17 раз, это эмпирически подтверждает, что для российской молодёжи основной выход на рынок труда приходится на период завершения формального образования. Представители младших возрастных когорт (15–24 года) вовлечены в добровольческие практики преимущественно при отсутствии формальной занятости. Волонёрская деятельность младшей молодёжной когорты реализуется преимущественно в рамках институционализированных форм через государственные и муниципальные

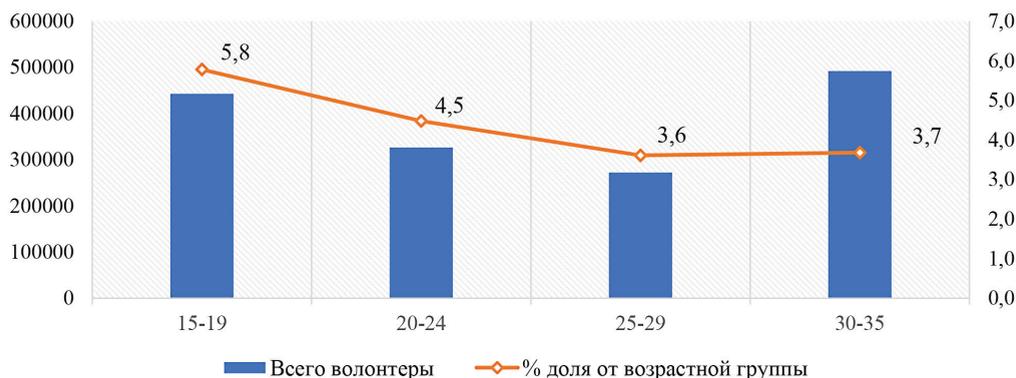

Рисунок 1. Распределение численности волонтеров и доля в составе групп населения 15–35 лет (левая шкала — количество человек, правая шкала — %), 2024 г.

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

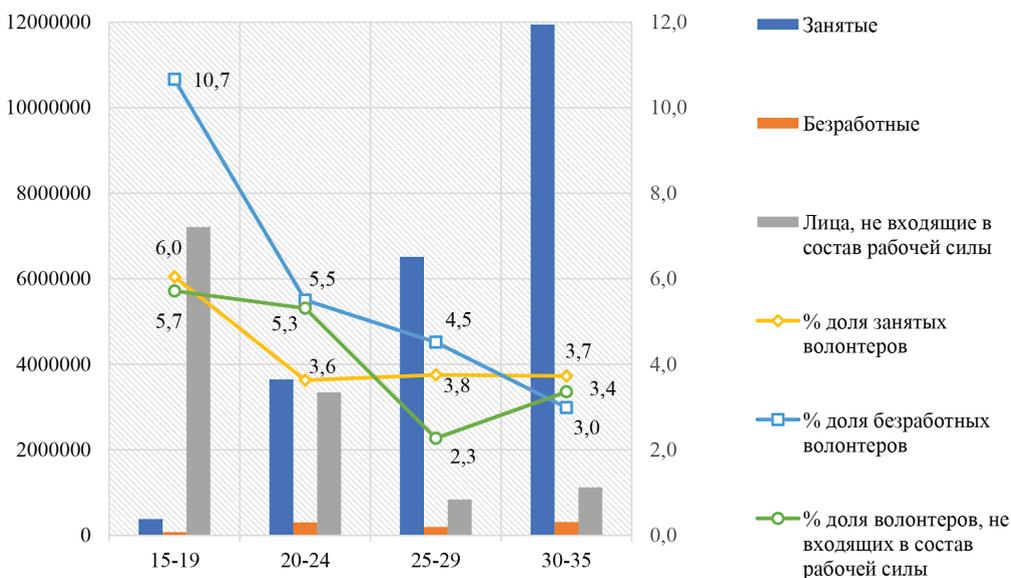

Рисунок 2. Структура населения по экономической активности (участие молодёжи в рабочей силе) и доля волонтеров (левая шкала — количество человек, правая шкала — %), 2024 г.

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

организации, где добровольческая активность становится элементом образовательных траекторий. Данная модель существенно отличается от добровольческих практик старших возрастных групп, где преобладают самостоятельные инициативы. Среди тех, кто старше 20 лет, доля добровольцев среди занятых стабилизируется на уровне 3,6–3,8%, однако абсолютное число участников растёт экспоненциально (см. рис. 2). Среди экономически неактивных групп доля добровольцев с возрастом снижается.

Такие данные приводят нас к предположению, что при нивелировании общих тенденций занятости эффекты вовлеченности молодёжи в волонтерство слабо зависят от возраста. Однако дальнейшее исследование опровергает данную промежуточную гипотезу.

Если рассмотреть количество часов волонтерской активности, максимальная интенсивность (7,55 ч/мес) наблюдается в группе 20–24 лет, что совпадает с фазой профессионального самоопределения и частичной занятости. При этом сохраняется высокая вариативность временных затрат, отражающая разнообразие моделей участия, от систематического до ситуативного. В старших возрастных группах (25–35 лет) снижение средних показателей (6,45–6,56 ч/мес) при росте стандартного отклонения (до 9,294 ч/мес) свидетельствует о различии волонтерских траекторий, одна часть населения сохраняет высокую вовлечённость, а другая ограничивается формальным участием. Такая динамика подтверждает гипотезу о трансформации функций волонтерства в процессе социализации: от инструмента первичной профессионализации к механизму поддержания социального капитала.

Результаты ($F=1445$; $p < 0,001$) подтверждают статистическую значимость различий во временных затратах на волонтерство в зависимости от экономической активности, однако практическая значимость ($\eta^2=0,013$) остаётся крайне низкой — экономический статус объясняет лишь 1,3% дисперсии волонтерской активности. Несмотря на максимальное среднее значение у безработных (8,92 ч.), медианный показатель (6 ч.) и экстремальное стандартное отклонение (9,7) опровергают тезис о систематическом характере их участия. Реальная картина предполагает существование узкой группы «профессиональных волонтеров» (15–20% выборки) и большинства, чьё участие остаётся эпизодическим. Группа лиц вне рабочей силы (преимущественно учащиеся) демонстрирует относительно высокое среднее — 6,85 ч. — при медиане 5 ч. Занятые: 65% участников с минимальной активностью (≤ 4 ч.) и 10% «корпоративных волонтеров» (более 15 ч.).

Анализ волонтерской активности среди различных категорий занятости позволил выявить структурные особенности вовлечённости молодёжи в волонтерскую деятельность. По классификации Росстата, отдельную категорию составляют работники волонтерских организаций, на долю которых приходится 13,6% всего молодёжного волонтерства (см. табл. 1). Из них 89% сосредоточены в когорте 15–24 лет. Среди занятой молодёжи наёмные работники формируют основной ресурс волонтерства, обеспечивая 55% всех волонтеров. Однако их интенсивность участия (доля волонтеров внутри категории) остаётся сравнительно низкой — около 3,7%. Этот количественный перевес объясняется структурным доминированием наёмных работников на рынке труда. Интенсивность волонтерства наёмных работников остаётся относительно стабильной вне зависимости от возраста.

Самозанятые демонстрируют более высокую интенсивность волонтерства (14,2%) и формируют почти треть от общего числа волонтеров (28,9%) в России. Такой дисбаланс между интенсивностью и удельным весом в общей массе волонтеров может быть интерпретирован как проявление специфики самозанятости, предполагающей большую гибкость в распределении времени и возможностей для участия в добровольческих инициативах. Наиболее интенсивно участвуют самозанятые и неоплачиваемые стажёры. Экстремальная интенсивность работодателей (45,5% в 15–19 лет) при ничтожной численности группы (0,2% занятых) демонстрирует эффект статистического артефакта, однако даже с учётом малой базы данные указывают на конвертацию бизнес-навыков в социальные проекты для укрепления репутации.

Таблица 1

Структура волонтерской активности молодежи

Категория занятости	Всего занятых, чел.	Всего волонтеров, чел.	Интенсивность волонтерства (% доля волонтеров в категории)	Доля категории в общей массе волонтеров, %
Работодатели	225582	13010	5,8	1,0
Самозанятые	2789135	395291	14,2	28,9
Зависимые подрядчики	138648	4449	3,2	0,3
Наёмные работники	20648613	756219	3,7	55,4
Помогающие члены семьи	81661	7497	9,2	0,5
Неоплачиваемые стажёры	35309	3922	11,1	0,3
Работники волонтерских организаций	185403	185403	100	13,6

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

Волонтерство и человеческий капитал. Для выявления специфики вовлечённости в волонтерские практики были построены четыре модели логистической регрессии. В таблице 2 приведена первая модель оценки фандрайзинга, в который в 2024 году были вовлечены 19,7% молодежи.

Таблица 2

**Результаты логистической регрессии
(зависимая переменная: сбор средств на благотворительность)**

Переменная	B*	S.E.*	Wald*	Exp(B)*
Пол (женщины)	-0,591	0,007	6261,073	0,554
Тип населённого пункта (село)	-0,565	0,010	3477,268	0,268
Состоит в браке (да)	-0,141	0,008	329,525	0,568
Завершил проф. переподготовку (да)	-0,245	0,022	123,411	0,868
Связь с профессией (да)	-0,167	0,009	309,182	0,847
Удалённая работа (да)	0,100	0,016	40,46	1,106
Дополнительная работа (да)	0,404	0,019	434,496	1,498
Неформальная работа (да)	0,413	0,012	1199,537	1,511
Продолжительность рабочей недели (количество часов)	0,002	0,0	13,043	1,002

Окончание таблицы 2

Переменная	B*	S.E.*	Wald*	Exp(B)*
Возраст (полных лет)	0,061	0,001	4053,873	1,063
Образование: основное общее и ниже	0,138	0,033	17,738	1,148
Образование: среднее общее	-0,498	0,02	610,662	0,608
Образование: среднее проф.	-0,097	0,012	62,583	0,908
Образование: высшее (бак./спец.)	-0,242	0,012	406,69	0,785
Константа	-3,458	0,044	6301,1	0,031

Примечание: * **B** — коэффициент логистической регрессии; **S.E.** — стандартная ошибка; **Wald** — критерий Вальда; **Exp(B)** — отношение шансов.

Базовые категории: мужчины, город, не состоит в браке, не завершил профпереподготовку, работа не соответствует профессии, не работает удалённо, не имеет дополнительной и неформальной занятости, высшее образование (магистратура и выше).

Все коэффициенты соответствуют $p < 0,001$.

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

Как показало исследование, мужчины, городские жители и не состоящие в браке респонденты статистически значимо чаще вовлечены в подобные практики. Возраст выступает значимым фактором: каждый дополнительный год жизни увеличивает вероятность участия на 6,3%, что согласуется с гипотезой о накоплении социальных и экономических ресурсов, необходимых для благотворительной активности. Участие в сборе средств статистически значимо чаще встречается среди лиц, имеющих дополнительную, удалённую или неформальную работу. Гибкость трудовых режимов и отсутствие жёсткой формализации занятости способствуют вовлечённости в волонтерские практики. В то же время завершённая профессиональная переподготовка и работа по специальности ассоциируются с меньшей вероятностью участия. Повышение уровня образования выступает одним из ключевых предикторов участия.

Далее рассмотрим логистическую регрессионную модель детерминантов волонтерской активности в сфере благоустройства территорий (табл. 3). Вторая модель имеет иную структуру, здесь наиболее сильным предиктором выступает тип поселения. Жители сёл более чем в два раза с большей вероятностью будут вовлечены в благоустройство территорий, чем городские жители. Результат объясняется более тесными горизонтальными связями сельских сообществ и меньшей доступностью альтернативных форм гражданской активности. Гендерный фактор, напротив, демонстрирует обратную тенденцию: женщины участвуют в благоустройстве достоверно чаще, чем мужчины. Состоящие в браке участвуют чаще, тогда как наличие дополнительной работы снижает шансы на участие, указывая на ресурсные ограничения. Удалённая и неформальная занятость положительно коррелируют с вовлечённостью. Профессиональная переподготовка и работа по специальности также позитивно связаны с участием. Наиболее отчётливое различие выявляется по уровню образования: молодёжь с практико-ориентированным или средним образованием демонстрирует более высокую вовлечённость по сравнению с обладателями более высокого уровня образования.

Таблица 3

**Результаты логистической регрессии
(зависимая переменная: благоустройство территории)**

Переменная	B*	S.E.*	Wald*	Exp(B)*
Пол (женщины)	0,093	0,010	80,584	1,098
Тип населённого пункта (село)	0,794	0,011	5551,85	2,213
Состоит в браке (да)	0,141	0,011	170,46	1,152
Завершил проф. переподготовку (да)	0,135	0,025	28,133	1,145
Связь с профессией (да)	0,335	0,012	752,059	1,398
Удалённая работа (да)	1,383	0,037	1422,671	3,988
Дополнительная работа (да)	-0,249	0,021	134,708	0,779
Неформальная работа (да)	0,305	0,016	360,34	1,357
Продолжительность рабочей недели (количество часов)	-0,002	0,001	12,792	0,998
Возраст (полных лет)	-0,012	0,001	83,452	0,989
Образование: основное общее и ниже	1,352	0,038	1248,071	3,864
Образование: среднее общее	0,524	0,03	301,446	1,689
Образование: среднее проф.	0,565	0,024	555,596	1,760
Образование: высшее (бак./спец.)	0,821	0,024	1211,743	2,272
Константа	-3,942	0,064	3788,336	0,019

Примечание: * **B** — коэффициент логистической регрессии; **S.E.** — стандартная ошибка; **Wald** — критерий Вальда; **Exp(B)** — отношение шансов.

Базовые категории: мужчины, город, не состоит в браке, не завершил профпереподготовку, работа не соответствует профессии, не работает удалённо, не имеет дополнительной и неформальной занятости, высшее образование (магистратура и выше).

Все коэффициенты соответствуют $p < 0,001$.

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

Третья логистическая регрессионная модель объясняет структуру вовлеченности в помощь животным, третьего по значимости и наиболее устойчивого в динамике вида волонтерства (табл. 4).

Наиболее значимым предиктором помощи животным среди молодежи оказался тип населённого пункта: жители сёл участвуют в 3,7 раза чаще, чем горожане. Мужчины вовлечены на 56,4% реже женщин, а состоящие в браке — на 31,4% чаще. Дополнительная работа повышает вероятность участия почти вдвое, тогда как неформальная занятость и удалённый формат работы её снижают. Завершённая профпереподготовка и связь работы с профессией положительно связаны с вовлечённостью. С возрастом участие снижается (на 2,8% за каждый год), а продолжительность рабочей недели оказывает слабый, но положительный эффект. Уровень образования остаётся устойчивым фактором повышения активности.

Таблица 4

Результаты логистической регрессии (зависимая переменная: помощь животным)

Переменная	B*	S.E.*	Wald*	Exp(B)*
Пол (мужчины)	0,830	0,011	5916,125	2,293
Тип населённого пункта (село)	-1,318	0,017	6123,196	0,268
Состоит в браке (да)	0,273	0,01	703,96	1,314
Завершил проф. переподготовку (да)	0,221	0,024	83,856	1,247
Связь с профессией (да)	0,143	0,012	135,065	1,154
Удалённая работа (да)	-0,114	0,02	34,365	0,892
Дополнительная работа (да)	0,659	0,028	535,074	1,933
Неформальная работа (да)	-0,26	0,013	380,246	0,771
Продолжительность рабочей недели (количество часов)	0,007	0,001	138,38	1,007
Возраст (полных лет)	-0,028	0,001	508,388	0,972
Образование: основное общее и ниже	0,012 (p=0,756)	0,039	0,097	1,012
Образование: среднее общее	-0,387	0,025	230,686	0,679
Образование: среднее проф.	-0,22	0,016	184,465	0,802
Образование: высшее (бак./ спец.)	-0,101	0,016	41,211	0,904
Константа	-1,173	0,057	430,194	0,31

Примечание: * **B** – коэффициент логистической регрессии; **S.E.** – стандартная ошибка; **Wald** – критерий Вальда; **p** – уровень значимости; **Exp(B)** – отношение шансов; **df**=1.

Базовые категории: мужчины, город, не состоит в браке, не завершил профпереподготовку, работа не соответствует профессии, не работает удалённо, не имеет дополнительной и неформальной занятости, высшее образование (магистратура и выше).

Все коэффициенты соответствуют $p < 0,001$, кроме варианта с указанием иного значения **p**.

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

Четвертая логистическая регрессионная модель объясняет структуру социальных видов волонтерства (табл. 5). Одним из наиболее значимых факторов выступает тип населённого пункта: молодые респонденты, проживающие в сельской местности, демонстрируют более высокую вероятность участия. Значимым предиктором выступает и уровень образования. Наибольшая вероятность участия в волонтерстве наблюдается у респондентов со средним профессиональным образованием, в то время как наличие только начального либо основного общего образования статистически значимо снижает вероятность вовлечённости. Семейное положение также оказывает влияние: не состоящие

в браке молодые люди чаще вовлечены в волонтерство. Кроме того, завершённая профессиональная переподготовка и занятость в удалённом формате ассоциированы с меньшей вероятностью участия в социальной волонтерской деятельности. Дополнительная оплачиваемая работа и увеличение нагрузки (в частности, по числу рабочих часов) также снижают вероятность волонтерской активности. Небольшое, но статистически значимое влияние на участие в волонтерстве оказывает связь между родом занятости и полученным образованием. Работа по специальности ассоциирована с большей вероятностью вовлечённости. Вопреки распространённому мнению о большей вовлечённости женщин в социальные работы, гендерные различия в социальном волонтерстве молодежи оказались минимальными.

Таблица 5

Результаты логистической регрессии (зависимая переменная: социальные работы)

Переменная	B*	S.E.*	Wald*	Exp(B)*
Пол (мужчины)	0,021 (p=0,013)	0,008	6,179	1,021
Тип населённого пункта (село)	0,487	0,009	2791,714	1,627
Состоит в браке (да)	-0,297	0,009	1170,847	0,743
Завершил проф. переподготовку (да)	-0,383	0,025	244,16	0,682
Связь с профессией (да)	0,043	0,01	18,528	1,044
Удалённая работа (да)	-0,464	0,016	885,267	0,629
Дополнительная работа (да)	-0,189	0,018	113,527	0,827
Продолжительность рабочей недели (количество часов)	0,005	0,001	94,268	1,005
Возраст (полных лет)	-0,006	0,001	38,805	0,994
Образование: основное общее и ниже	-0,371	0,037	100,015	0,69
Образование: среднее общее	0,457	0,02	531,319	1,58
Образование: среднее проф.	0,097	0,014	46,753	1,102
Образование: высшее (бак./ спец)	-0,269	0,014	356,856	0,765
Константа	-0,683	0,043	247,942	0,505

Примечание: * **B** – коэффициент логистической регрессии; **S.E.** – стандартная ошибка; **Wald** – критерий Вальда; **p** – уровень значимости; **Exp(B)** – отношение шансов; **df**=1.

Базовые категории: мужчины, город, не состоит в браке, не завершил профпереподготовку, работа не соответствует профессии, не работает удалённо, не имеет дополнительной и неформальной занятости, высшее образование (магистратура и выше).

Все коэффициенты соответствуют $p < 0,001$, кроме варианта с указанием иного значения **r**.

Источник: Авторские расчёты по микроданным выборочного обследования рабочей силы Росстат, 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.05.2025).

Полученные результаты указывают на сложную, многомерную природу вовлечённости в благотворительную волонтерскую деятельность, где социально-демографические, профессиональные и образовательные характеристики опосредуются институциональными и мотивационными механизмами.

Социальные контуры молодёжного волонтерства. Масштабы молодёжного волонтерства остаются невысокими, несмотря на активную государственную поддержку. Волонтерская деятельность охватывает около 4,3% российской молодёжи, при этом преобладают нерегулярные формы участия. Большинство добровольцев (73%) действуют неформально, вне организационных структур. Наибольшая активность наблюдается среди возрастных групп 15–19 и 30–35 лет, но с возрастом вовлечённость снижается.

Волонтерство тесно связано с экономической активностью молодёжи. Самозанятые демонстрируют высокую интенсивность участия (14,2%), тогда как наёмные работники, несмотря на их численное преобладание, вовлечены меньше (3,7%). Безработные и учащиеся также активно участвуют в волонтерстве, что подчёркивает его роль как инструмента социализации и накопления навыков.

Факторы вовлечённости выделяют социально-демографические характеристики и компоненты человеческого капитала. Городская молодёжь чаще участвует в сборе средств, а сельская — в благоустройстве территорий и помощи животным. Женщины более активны в социальных работах и помощи животным, а мужчины — в фандрайзинге. Уровень образования значимо влияет на вовлечённость. Например, молодые люди с более высоким уровнем образования чаще участвуют в сборе средств, а среднее профессиональное образование повышает участие в социальных работах. Гибкие формы занятости (удалённая работа, неформальная занятость) способствуют участию в волонтерстве, тогда как полная занятость и профессиональная переподготовка могут снижать его вероятность.

В российской молодёжной среде преобладает «капитальная» модель волонтерства, направленная на увеличение человеческого и социального капитала, что отражает прагматические мотивы молодых людей. Волонтерство выступает как форма инвестиций в человеческий капитал, развивая «мягкие» и «жёсткие» навыки. Однако его влияние на трудоустройство остаётся ограниченным и зависит от соответствия опыта требованиям рынка труда. Наши результаты подтверждают низкую эффективность волонтерства как инструмента трудоустройства. Российские исследователи отмечали, что волонтерство улучшает перспективы трудоустройства через приобретение навыков и расширение социальных сетей. Однако мета-анализ западных исследований [8] и наши результаты показывают, что общий эффект невелик. Это противоречие требует дальнейшего изучения, особенно в контексте российского рынка труда, где связь между волонтерством и занятостью может быть опосредована институциональными факторами.

Государственные программы поддержки волонтерства способствуют его росту. Эмпирические данные показали преобладание неформальных практик, что указывает на слабую институционализацию волонтерства. Это порождает дискуссию о том, насколько государство может регулировать добровольческую деятельность, тем более при условии и желательности сохранения её спонтанного и альтруистического характера.

Отметим важные методологические ограничения данного исследования. С одной стороны, мы опираемся на представительные и репрезентативные регулярно проводимые статистические обследования. Это делает устойчивыми

количественные оценки вовлечённости молодежи в основные виды волонтерства. С другой стороны, объяснительная сила регрессионных моделей, особенно для социальных работ, остаётся низкой, подтверждая необходимость учёта качественных факторов, таких как личные мотивы и культурные нормы, которые не были включены в анализ.

Заключение. Волонтерство российской молодежи представляет собой сложное социально-экономическое явление, играющее значительную роль в структуре занятости и формировании человеческого капитала. Оно служит инструментом социализации, профессионального развития и самореализации, особенно для молодых людей, находящихся на этапе выхода на рынок труда. Однако его влияние на трудоустройство и карьерный рост остаются слабыми, что указывает на разрыв с реальными социально-экономическими практиками.

Выводы исследования подчёркивают, во-первых, необходимость развития институциональной поддержки волонтерства, особенно для формализации нерегулярных и неформальных практик. Во-вторых, дальнейшее развитие институциональной поддержки требует учёта региональных и социально-демографических особенностей. Волонтерство, будучи важным элементом социальной и экономической жизни, требует дальнейшего внимания со стороны исследователей и общественных организаций для максимизации его положительного воздействия на общество.

Библиографический список / References

1. Wilson J. Volunteering. *Annual Review of Sociology*. 2000;26:215–240. DOI [10.1146/annurev.soc.26.1.215](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.215). EDN HEYVET.
2. Becker G. S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago : University of Chicago Press; 1964.
3. Rego A., Zóizimo R., Correia M. J., Ross A. Bridging volunteering and the labour market: a proposal of a soft skills matrix. *Voluntary Sector Review*. 2016;7(1):89–99. DOI [10.1332/204080516X14537236936186](https://doi.org/10.1332/204080516X14537236936186).
4. Cook P., Jackson N. Valuing volunteering: a route to professional development: views from VSO volunteers and managers. London: Chartered Management Institute; 2006. ISBN 9780859464406.
5. Souto-Otero M., Ulicna D., Schaepkens L., Bogner V. Study on the impact of non-formal education in youth organisations on young people's employability. Brussels: European Youth Forum; 2013.
6. Bruno B., Fiorillo D. Voluntary work and wages. *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2016;87(2):175–202. DOI [10.1111/apce.12090](https://doi.org/10.1111/apce.12090).
7. Wilson J., Mantovan N., Sauer R. M. The economic benefits of volunteering and social class. *Social Science Research*. 2020;85:102368. DOI [10.1016/j.ssresearch.2019.102368](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2019.102368). EDN YKTIAZ.
8. Kameråde D., Paine A. E. Volunteering and employability: implications for policy and practice. *Voluntary Sector Review*. 2014;5(2):259–273. DOI [10.1332/204080514X14013593888736](https://doi.org/10.1332/204080514X14013593888736).
9. Taniguchi H. Men's and women's volunteering: gender differences in the effects of employment and family characteristics. *Nonprofit & Voluntary Sector Quarterly*. 2006;35(1):83–101. DOI [10.1177/0899764005282481](https://doi.org/10.1177/0899764005282481). EDN JOOFUR.
10. Bruno B., Fiorillo D. Why without pay? Intrinsic motivation in the unpaid labour supply. *The Journal of Socio-Economics*. 2012;41(5):659–669. DOI [10.1016/j.socec.2012.05.020](https://doi.org/10.1016/j.socec.2012.05.020).
11. Downward P., Hallmann K., Rasciute S. Volunteering and leisure activity in the United Kingdom: a longitudinal analysis of males and females. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2020;49(4):757–775. DOI [10.1177/0899764020901815](https://doi.org/10.1177/0899764020901815). EDN DKNSXE.
12. Нежина Т. Г., Петухова К. А., Чечеткина Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71. EDN SPWLQH.

- Nezhina T. G., Petukhova K. A., Chechetkina N. I., Mindarova I. S. Motivation of youth participation in the volunteer movement. *Public Administration Issues*. 2014;(3):49–71. (In Russ.).
13. *Беляева Л. А., Зеленов И. А., Прохода В. А.* Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 4. С. 825–838. DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838). EDN [WBYMHU](https://www.edn.ru/WBYMHU).
Belyaeva L. A., Zelenov I. A., Prokhoda V. A. Volunteering in Russia: History and attitudes of the contemporary youth. *RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(4):825–838. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838).
 14. *Узюмова Н. В., Киселева Н. И.* Волонтерская деятельность (добровольчество) как фактор профессионального развития студентов // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № S2. Порядковый номер: 68. (In Russ.). EDN [REYTOR](https://www.edn.ru/REYTOR).
Uzyumova N. V., Kiseleva N. I. Volunteer activity as a factor of professional students' development. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023;15(S2):68.
 15. *Певная М. В., Минченко Д. В., Белов А. А.* Мотивация в саморегуляции волонтерской деятельности молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 53–68. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.2). EDN [IQADBG](https://www.edn.ru/IQADBG).
Pevnaya M. V., Minchenko D. V., Belov A. A. Motivation in self-regulation of youth volunteer activities. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):53–68. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.2).
 16. *Федорова М. Н.* Волонтерство как нерыночная форма развития человеческого потенциала // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 3. С. 146–157. DOI [10.52180/2073-6487_2021_3_146_157](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_146_157). EDN [JPIHCD](https://www.edn.ru/JPIHCD).
Fedorova M. N. Volunteering as a non-market form of the development of human potentiality. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021;(3):146–157. (In Russ.). DOI [10.52180/2073-6487_2021_3_146_157](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_146_157).
 17. *Трохина А. В.* Волонтерство как особая форма занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 12(178). С. 111–120. EDN [PGRClV](https://www.edn.ru/PGRClV).
Trokhina A. V. Volunteering as a special form of employment. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2012;(12):111–120. (In Russ.).
 18. *Забелина О. В., Мирзабалаева Ф. И., Вега А. Ю.* Волонтерство как новая форма занятости // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 2. С. 775–786. DOI [10.18334/et.6.2.40692](https://doi.org/10.18334/et.6.2.40692). EDN [ZRHYKD](https://www.edn.ru/ZRHYKD).
Zabelina O. V., Mirzabalaeva F. I., Vega A. Y. Volunteering as a new form of employment. *Russian Journal of Labour Economics*. 2019;6(2):775–786. (In Russ.). DOI [10.18334/et.6.2.40692](https://doi.org/10.18334/et.6.2.40692).

Поступила: 06.06.2025. Принята: 14.07.2025.

Сведения об авторах:

Ромашкина Гульнара Фатыховна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия. g.f.romashkina@utmn.ru
Author ID РИНЦ: [181220](https://www.rincc.ru/author/181220); ORCID: [0000-0002-7764-5566](https://orcid.org/0000-0002-7764-5566)

Агафонова Дарья Юрьевна, аспирант, ассистент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия.
d.y.agafonova@utmn.ru
Author ID РИНЦ: [1258562](https://www.rincc.ru/author/1258562); ORCID: [0009-0008-1848-1646](https://orcid.org/0009-0008-1848-1646)

G. F. Romashkina¹, D. Yu. Agafonova¹

¹ University of Tyumen. Tyumen, Russia

VOLUNTEERING OF RUSSIAN YOUTH IN THE STRUCTURE OF EMPLOYMENT

Abstract. The article is devoted to the study of volunteer activities among Russian youth as a special form of engagement and its role in the formation of human capital. The analysis is based on microdata from the 2024 Sample Survey of the Labour Force conducted by the Federal State Statistics Service (Rosstat) and covers a representative subsample of the young population (aged 15–35). Analytical methods include mean-comparison tests (Fisher’s and Student’s criteria) and stepwise logistic regression, aimed at estimating the influence of predictors on the probability of participation in four main forms of volunteering: fundraising, territory beautification, animal assistance, and social work. The key findings indicate that young volunteers constitute 4.3% of the total youth population in the country. Irregular and informal forms of participation prevail. Volunteering activity increases among older youth groups. The analysis supports the hypothesis of a shift in the functions of volunteering at different stages of socialization. Rural youth are more frequently involved in environmental improvement and animal assistance, while urban youth are more active in fundraising. Women are more likely to participate in social forms of volunteering, whereas men are more involved in fundraising. Flexible employment types among youth (remote or informal work) increase the likelihood of participation in fundraising, environmental, and animal-related activities. Secondary and vocational education are more commonly associated with participation in social and environmental projects, whereas higher education correlates more with fundraising. Empirical evidence does not support the hypothesis of a direct link between youth volunteerism and the accumulation of human capital. The article also highlights the limitations and barriers in research and social practices related to youth volunteering.

Keywords: volunteering, youth, human capital, employment, social activity

For citation: Romashkina G. F., Agafonova D. Yu. Volunteering of Russian youth in the structure of employment. *Science. Culture. Society.* 2025;31(3):41–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.3>

Received: 06.06.2025. Accepted: 14.07.2025.

Author information:

Gulnara F. Romashkina, Doctor of Sociology, Professor,
Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control,
University of Tyumen. Tyumen, Russia. g.f.romashkina@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-7764-5566

Daria Yu. Agafonova, Postgraduate Student,
Assistant of the Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen. Tyumen, Russia. d.y.agafonova@utmn.ru
ORCID: 0009-0008-1848-1646